

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
Б 30

Оформление серии художника *В. Щербакова*

Иллюстрация на обложке художника *В. Остапенко*

Бахрошин Н. А.

Б 30   **ВИКИНГИ. Закрытие волхвов / Николай Бахрошин.** — М. : Яуза : Эксмо, 2013. — 256 с. — (Викинги. Исторический сериал).

ISBN 978-5-699-67963-8

Поклонникам исторического телесериала «VIKINGS», удостоенного рекордных рейтингов и восторженных отзывов зрителей. **НОВЫЙ** роман о великой эпохе викингов, чьи пропахшие железом и кровью боевые корабли-драккары наводили ужас на всю Европу. Славянский отрок, взятый варягами в плен во время набега, вырастает в грозного воина и прославленного скальда, чьи песни передают из уст в уста от свейских фиордов до Гардарики, а неотразимый меч отправил в Вальгаллу столько героев, что Валькирии выбились из сил, а на пиру у Одина уже не хватает мест.

Что хранит Скальда в кровавом раю сражений? Кто ведет его от победы к победе? Норманнские асы — или славянские боги? Молот Тора — или Перунов коловрат? Жертвоприношения варяжских жрецов — или заклятие славянских волхвов, оберегающее от зла? Сможет ли он забыть свою потерянную Родину, родной язык, лицо матери — или пожертвует всем, даже бессмертием, лишь бы вернуться домой?

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-699-67963-8

© Бахрошин Н., 2013
© ООО «Издательство «Яуза», 2013
© ООО «Издательство «Эксмо», 2013

ГЛАВА 1

ВРЕМЯ ДРАКОНОВ

Руны победы,
Коль ты к ней
    стремишься, —
Вырежи их
На меча рукояти
И дважды пометь
Именем Тюра!

*Песнь Сигдривы.
X в. н. э.*

1

— Вставай, Рорик. Пора... Вставай, сынок, просыпайся...

Ярл Рорик Неистовый чувствовал сквозь сон, как его трясут за плечо, слышал голос старого Якоба. Но выныривать из теплого, затягивающего омота сна не хотелось. Еще несколько мгновений он боролся с собой, лежа с закрытыми глазами. Потом рывком поднялся и сел на кровати.

— Да, Якоб, я слышу...

— Пора, Рорик! — повторил старик.

Якоб-скальд был уже собран и облачен в воинские доспехи. Щит за спиной, меч на поясе, кольчуга, шлем, наручи, поножи. Словно собрался в далекий поход. Впрочем, и правда поход... Кто знает, как далек путь до небесных чертогов Одина-Всеотца?

Посматривая на своего бывшего дядьку, Рорик в очередной раз мысленно охнул, удивляясь, как тот сдал за последнее время. Не просто ссутулился и согнулся по-стариковски — ссохся, как лист по осени. Его старая кольчуга провисала теперь просторными складками, а наручи и поножи будто делались на другого бойца, с руками и ногами в два раза толще.

Грудная болезнь мучила старика уже давно, но этой зимой стало совсем худо. Порой он всю ночь не мог спать, надсадно кашляя и отхаркиваясь сгустками крови. Последнее время Якоб почти не выходил из дома, жалуясь на знобкий холод и постоянные боли в груди. Мол, уже не только ходить — и лежать больно, и дышать.

Что ж, значит, пора...

Отжил свое старый воин...

Плохой был скальд, но умелый кормчий, знающий все течения и мели на побережье, как хороший хозяин знает собственные закрома. И заботливый дядька-наставник, подумал Рорик, лучше и желать нельзя... Ведь именно он, Якоб-скальд, побратим отца Рагнара Большая Секира, прежнего владельца вод и земель Ранг-фиорда, воспитал из них воинов и повелителей. Из него, ярла Рорика, прозванного Неистовым, и из брата Альва, предательски убитого Съевнаром Складным, бывшим рабом из страны Гардарики. Пусть Альв не стал таким прославленным воином, как он сам, ярл и морской конунг, но — видят боги! — как все-таки не хватает брата...

И отца уже нет, и Альва нет, и теперь дядька уходит...

Неожиданно мелькнула злая мысль, что старый зря поднял его, едва забрезжил рассвет. Торопиться-

то некуда, бессмертный Один в своем дворце может и подождать будущего эйнхирия, нового воина рати мертвых героев. Но он отогнал ее — не к месту сейчас показывать свое раздражение.

Ярл молча встал, быстро натянул одежду из толстой шерсти, накинул кольчугу, подпоясался поясом с мечом. Щит на ремне — за спину, кованый шлем — на голову привычной тяжестью. Воины уходят в последний путь с оружием и в доспехах, и провожать их положено так же, словно собираясь на битву...

Пора!

В огромном, в двести шагов, доме Рорика было почти темно. Немного света давал большой каменный очаг (человек пройдет не сгибаясь), где тлели красным наложенные с вечера поленья. От очага струились чуть заметные токи тепла, но все-таки в доме было холодновато. Все спали, ратники дружины — на нарах, вытянувшихся вдоль стен, женщины, дети — в своих закутках, отгороженных от нескромных взглядов дощатыми перегородками. Тихо, сонно, лишь слышны всхрапы и разноголосое невнятное бормотание.

Вчерашний пир, где чествовали заслуги Якобаскальда, прощаясь со стариком, всех обитателей большого дома уложил вповалку — и старых, и малых, и воинов, и женщин. Он, Рорик, тоже выпил вчера крепкого пива больше обычного. От этого голова, как разошедшийся на жаре бочонок, — кажется, вот сейчас треснет...

Пробираясь за дядькой к выходу мимо длинного, не убранного с вечера стола с объедками и опивками (брат Альв не допустил бы такой бесхозяйственности, хоть за полночь, но заставил бы рабов убрать и выско-

блить стол!), ярл Рорик бросил взгляд за одну из перегородок. Пусть быстро, но успел заметить сквозь полумрак разметавшиеся по подушке густые, золотистые пряди Сангриль, вдовы покойного брата.

Синеглазая красавица, что становится с каждым днем все краше...

При мысли о ней мужское естество шевельнулось, и Рорик поспешил отвернуться. Тоже — не время...

Они вышли через тесаную дверь, плотно сбитую железными скобами. Рорику пришлось пригнуть голову в высоком шлеме. Старику уже не нужно было нагибаться, без того согнут.

На дворе, уютно забеленном снегом, было заметно светлее, но и холоднее; морозный ветер с пряным привкусом моря игривым щенком облизал лицо, зябкими пальцами проник под одежду. Рорик, зачерпнув пригоршню чистого снега, жадно ел его, размачивая сухое горло.

Старик, медленно шагая по скрипучему снегу, неторопливо оглядывал просторный двор, утопанный множеством ног, серые сараи, амбары, хижины для рабов — все хозяйственные мелочи, ставшие уже привычными глазу. Наверное, вспоминал что-то. Прощался, понимал Рорик.

Он не торопил дядьку. Не мешал старому. Когда тот, наконец, двинулся со двора, пошел сзади, след в след. Сдерживал свою обычную стремительность, принаравливаясь к трудной, шаркающей походке старого воина.

Они шли молча. А что говорить? Для разговоров была целая жизнь. Долгая жизнь воина, морехода и скальда. Теперь — смерть. Она любит тишину и покой...

* * *

На склоне Дозорной Башни, самой высокой прибрежной горы в окрестностях Ранг-фиорда, ветер особенно разгулялся: рвал и трепал волосы и одежду, словно разозлившись на путников. Чувствовалось, что вот-вот пойдет снег, серо-свинцовые тучи сгустились уже до самого горизонта. И море казалось таким же серым, будто насупилось. Мелкие, частые всплески волн — как острые зубы.

Плохой ветер для мореходства, слишком порывистый, думал Рорик, чтоб занять мысли. И волна плохая. На такой злой волне даже тяжелые, устойчивые драккары начинают рыскать, крениться набок и черпать бортами.

Рорик вдруг сообразил, что старого Якоба может продуть на таком холодном ветру. Как прохватило его по осени, когда тот до полдня хлопотал у ноктаунов — корабельных сараев, — а потом много дней вообще не вставал с лежанки.

Хотя, нет, не продует, тут же понял ярл. Болезнь уже не успеет. Не важно, продует его или нет, — теперь все равно...

Думать так самому показалось странным. Только представить — еще осенью Якоб-скальд мог выйти в море на боевом корабле, твердо держа тяжелое кормовое весло костистой рукой. А сейчас — привычную тяжесть меча и щита несет с большими трудами, видел Рорик. Да, быстро обглодала его грудная болезнь! Так же быстро, наверное, как голодная собака обгладывает кость...

До вершины горы они добирались долго. Будь Рорик один, мог бы уже несколько раз подняться и спу-

ститься, но дядька шагал все медленнее и медленнее, часто присаживался отдохнуть на камнях. Рорику приходилось подолгу стоять рядом с ним, слушать монотонную песню ветра и запаленные хрипы Якоба. Несколько раз старик принимался кашлять и долго не мог успокоиться, отплевываясь кровавыми сгустками. Губы от этого становились красными, будто подкрашенными. А лицо оставалось бледным, словно пеплом подернутым.

Ярко-красные губы на изможденном, бледном лице с свалившимися глазами — чудно видеть...

Потом дядька вставал, и они опять шли. Рорик чуть было не предложил Якобу понести его оружие. Хорошо, вовремя спохватился, удержал на языке обидное. Старик хоть и выглядел слабым, все равно не заслужил подобного оскорбления. Каждый воин сам носит свое оружие? пока живой, да и в смерти не расстается с ним.

Когда они, наконец, взошли на вершину, Якоб сразу опустился на заледеневшие камни. Отвернувшись, долго вглядывался в морскую даль, скользил глазами по низкому, свинцовому небу, по прибрежным склонам, где из-под белого покрывала выглядывала хвойная зелень. Как будто напоминала о том, что великан Виндлони, Хозяин Зимы, тоже пришел не на век. Пройдет еще немного времени, и он отправится обратно на север, взвалив на широкое плечо свой ледяной топор, замораживающий все живое...

Рорик терпеливо ждал.

— Я прожил хорошую жизнь, — сказал, наконец, старик.

— Да, Якоб.

— Приятно умирать, когда видишь море и небо...

— Да, Якоб.

— Ладонь на рукояти меча, привкус соли и ветра на губах — что еще нужно воину и морскому бродяге?

Старый вдруг оглянулся, и конунг с удивлением увидел, что глаза у дядьки стали почти веселые. Как когда-то. Словно помолодели разом. И лицо снова порозовело, и морщины разгладились, и давний шрам, заметно поблекший в последнее время, отчетливо проступил на щеке.

Будто встав одной ногой на путь в тот, небесный мир, старый опять начал обретать былую силу и молодость, подумал ярл. Вот, оказывается, как бывает...

— Да, Якоб, — повторил ярл, не находя других слов.

Они опять помолчали.

— Я бы еще пожил, но уж слишком болит внутри, — дядька словно оправдывался. — Точит и точит болью даже во сне. Надоело!

— Счастлив тот, кто сам выбирает себе достойную смерть! — ответил Рорик не без торжественности.

И тут же подумал, что зря сказал. Лишнее. Якоб, решаясь на свой последний шаг, наверняка знает это лучше, чем кто-нибудь.

А счастлив ли? Кто знает...

— Привкус соли и ветра на губах, — задумчиво повторил старик. — В этих словах есть поэзия...

— Это так, — подтвердил ярл, хотя и не совсем понял.

— Спасибо, что проводил меня в последний путь, Рорик. Ты был мне как сын, и ты был хорошим сыном. Встретив в Асгарде твоего отца Рагнара, я расскажу об этом.

— Мне будет не хватать тебя, Якоб.

— Не жалею обо мне.

Рорик неопределенно мотнул головой.

Старик неожиданно легко поднялся с камней. Почти вскочил, быстро, одним рывком, как в прежние годы. «А ведь только что поднимался тяжело, с хрипом, с клекотом, опираясь всем телом на меч, — снова удивился Рорик. — Точно — помолодел разом!»

Сила смерти?

Таким же ловкими, быстрыми движениями Якоб накинул на руку круглый красный щит с рунами победы, крупно вычерченными черной краской, обнажил тусклое жало меча. Так, изготавившись к последней битве, опять смотрел вдаль, отвернувшись от своего воспитанника.

— Вот что я хочу сказать тебе напоследок, Рорик, сын мой... — начал он, все еще не оборачиваясь. — Я много думал последнее время, лежал и думал... Ты знаешь, у меня было достаточно времени, чтобы задуматься о прожитой жизни... Жизнь промелькнула чайкой над текучей волной, хотя когда-то казалась почти необъятной... Но я не об этом, ты еще слишком молод, ярл, чтобы терпеливо выслушивать скрипучие сетования стариков. Просто я думал, как неравно складываются людские судьбы. Одни вроде бы легко, играючи, получают все сразу — силу, богатство, власть, славу... Все, чего хотят! А другие, тоже умные, сильные, до смерти тащат ярмо мелочных забот и, в конце концов, рады миске горячей похлебки... Я думаю, Рорик, что боги все-таки улыбнулись тебе и мне, сделав воинами, наделив силой и властью! Подарили нам, как награду, бесконечную дорогу викинга!

— Это так, — подтвердил Рорик.

— И еще я думал — можно ли хотеть большего, когда судьба и без того одарила тебя? — Якоб все-таки повернулся к нему, смотрел прямо: — Твой отец и мой побратим Рагнар, великий воин, захотел и погиб... Не потому ли? Я так и не смог ответить... Но я опять не об этом... Вот что я еще понял, Рорик, сын мой, — кроме тех, кто просто одарен судьбой, существуют и другие люди, особо отмеченные богами... Те, которые, кажется, стоят даже над самой судьбой... Такие есть, хотя их немного, конечно. И бороться с ними — все равно что выступать против воли богов...

— К чему это ты ведешь?

— К тому, что твой враг, Сьевнар Складный, из таких людей, он — из избранных... Не знаю, понятно ли я говорю, но сам-то я хорошо понимаю... Клянись единственным глазом Одина, я не знаю, почему боги избрали именно его! Но это так!

Ярл рассерженно вскинул голову. Не ожидал, что дядька заговорит о Сьевнаре. Но — сдержался, ничего не ответил.

— Спросишь, зачем я вспомнил Сьевнара Складного? — продолжал Якоб, не замечая или не желая замечать гнева воспитанника. — Потому что ты дорог мне, как дорог может быть родной сын. Только поэтому! Я не хочу, чтобы ты когда-нибудь сложил голову в погоне за мезтью. Ты — знаменитый ярл, конунг и воин, у тебя впереди еще много подвигов и свершений. Иди же своим путем, и пусть ваши дороги больше не пересекаются! Ты понимаешь меня? — он скользнул внимательным взглядом по сжатым губам и окаменевшим скулам Рорика.

Тот лишь злобно сопел в ответ...

* * *

Семилетнего мальчишку со смешным именем Любенья, сына словенской пророчицы Сельги Видящей, дружина Рорика подхватила, возвращаясь из Гардарики. Ярл, тогда еще совсем молодой, решил сделать из мальчишки раба. В отместку Сельге, что когда-то погубила отца Рагнара своим лесным колдовством.

Мальчишка так и вырос в Ранг-фиорде. Потом — боги ему помогли, не иначе! — стал воином дружины Рорика, получил свеонское имя Сьевнар. Стал храбрым воином и знаменитым скальдом, сочинявшим такие песни, от которых разгоралось сердце за пиршественным столом. За свои песни бывший раб даже получил боевое прозвище Складный. А потом воин и скальд Сьевнар Складный влюбился в молоденькую девчонку Сангриль. Хотел сделать ее своей женой. Но брат Альв по прозвищу Хитрый тоже не прошел мимо этого наливающегося яблочка красоты.

Конечно, она предпочла ярла Альва простому воину Сьевнару. «Девушка должна уметь позаботиться о себе» — как любит говорить эта синеглазая разумница. И она стала женой брата. Но скальд Сьевнар не смирился, сражался с братом и убил его. А потом убежал от мести Рорика на остров Миствельд. Вступил в братство островных воинов, свободных от кровных уз и семейных привязанностей, которые сами выбирают себе ярла. Стоят один за другого как настоящие побратимы, что соединили кровь...

Он думает, что таким образом спасется от мести ярла... Нет, не спасется! — твердо знал Рорик. Не будь он ярлом по прованию Неистовый, если все равно не достанет мальчишку Сьевнара так или иначе. Пусть

боги станут свидетелем его клятвы, и плевать ему на все братства, что встанут у него на пути...

— Рорик, ты помнишь ту ночь, когда Съевнар Складный бежал из Ранг-фиорда? — вдруг спросил Якоб, словно услышав его мысли.

От неожиданности ярл вздрогнул.

Да, бежал... Был связанный, под охраной, и все равно бежал...

Как? Эта загадка до сих пор не давала ярлу покоя. Если вспоминать события того черного дня, то сразу возникает много вопросов. К примеру, по недосмотру или по злему умыслу караульным дали крепкое пиво вместо легкого? Откуда у Складного взялся нож перерезать веревки, если его тщательно обыскал Дюги Кабан, который способен у тролля в заднице найти мелкую монету? Как Съевнар сумел перед бегством незамеченным пробраться в дом и прихватить все свое оружие, броню и пожитки? И не напрашивается ли сам собой вывод, что Складному кто-то помог бежать?

Тогда, по горячим следам, Рорик был слишком рассержен, чтобы обстоятельно разобраться во всем. И потом не разобрался, не смог...

— Помню, — неохотно признался ярл. — Всегда помню.

— А ведь это я его отпустил.

— Ты?! Зачем?! — даже не обида, — точнее, не только обида всколыхнулась в нем. Изумление, скорее.

— Все потому же... Рорик Несправедливый — плохое прозвище, поверь мне. Неистовый — звучит лучше!

Старик пристально смотрел на него, но — спокойно, по-доброму. Гнев Рорика споткнулся об этот безмятежный взгляд.

Да, старый... А ведь Рорик всегда чувствовал, что дядька, жук, что-то знает... Но не выспрашивал. Старый вообще часто бывал упрямым как пень, глубоко вцепившийся в землю узловатыми корневищами. Соблюдал какую-то свою правду.

Вот, кажется, сколько людей проживает в Мидгарде — Серединном Мире — и у каждого своя, не похожая на других правда. Когда-то, в юности, Рорика это удивляло...

— Хорошо... Ты помог ему бежать, Якоб, — пусть так и будет... — сказал ярл, пересиливая себя и стараясь говорить как можно спокойнее. — Ты сказал мне об этом, не стал держать нож за пазухой — хорошо, пусть так... Я не буду судить тебя. И не буду держать обиды на своего старого дядьку, побратима отца... Кто я такой, чтобы судить тебя? Скоро ты сам ответишь за свою жизнь перед лицом Одина, Все-Отца, Тора-Молотобойца, однорукого Тюра Воителя и других богов-ассов... Хорошо!.. Но, пусть падет на меня проклятие богов, если я не разыщу Сьевнара и не отомщу ему! Вот это я точно могу тебе обещать, старик. И начну скоро, совсем скоро... Я уже знаю, как сделать, чтобы мальчишке Сьевнару жизнь показала черным проклятием, — мстительно заключил он.

— Рорик, Рорик... Ты слушал, но не слышал меня, — покачал Якоб головой.

— Я слышал, старик! Я хорошо слышал, клянусь оперением воронов Мунина и Хугина, видящих всю землю разом! — ярл не хотел, но разозлился все-таки. — Но я думаю все равно по-своему! И для начала я женюсь на Сангриль, вдове брата. Возьму ее второй женой. Пусть этот малый на острове вольных братьев

грызет рукоять собственного меча, представляя свою любимую в моих объятиях! Боги — свидетели, я так и сделаю! И месть моя будет сладкой, так-то, старик! А если он не выдержит зова сердца, уйдет с острова, чтобы найти Сангриль, я уже буду ждать его... — ярл усмехнулся и победно глянул на дядьку. — Что, хорошо я придумал?!

— Рорик, Рорик... Я так и знал, что ты выдумаешь нечто вроде этого... Ты — умный, но пока еще не мудрый, нет... Слишком упрям для этого. Совсем как твой дед Рорик Гордый...

— И дед Рорик, и отец Рагнар умели мстить! — отрезал ярл. — В земле фиордов никто не может похвастаться, что нанес обиду владельцам Ранг-фиорда и ушел безнаказанным. Так было и так будет впредь, запомни это!

— Теперь редко кто из ярлов берет себе вторую, третью жену, — сказал Якоб.

— Редко — не значит, что никогда. У Одина Всеотца четыре жены.

— Один — бессмертный. У него есть время разбить бабы дрязги.

— Я не бессмертный, но для мести у меня есть время и силы! — почти выкрикнул ярл. Глянул на дядьку исподлобья, как в детстве, когда тот ругал его за мальчишеские проделки.

Он и сам вспомнил это, и видел, что старик тоже об этом подумал.

Мысли о прошлом снова погасили разгорающуюся злость.

— Что ж, тебе жить, тебе решать... — вздохнул Якоб. — А ведь мы с тобой, Рорик, так и не вернулись в Гардарику. Не нашли сокровищ князя Добружа... —

старый резко, как часто делал, переменял тему. —
Помнишь, как хотели когда-то?

Старую историю о сокровищах словенского князя Рорик помнил, конечно. Хотя смутно. Много воды утекло с тех пор, слишком много.

Он не нашелся с ответом. Впрочем, старик и не ждал его.

— Прощай, Рорик! Я все сказал, что хотел.

— Прощай, Якоб! Я услышал тебя... И ты услышал меня, я думаю.

Они несколько мгновений смотрели друг на друга, потом обнялись.

Ярл мысленно отметил, какими хрупкими и тонкими стали плечи у Якоба, как незащищенно просвечивает сквозь седину волос бледная кожа. И пахнет от него какой-то стариковской кислятиной. Да, болезнь... «Привкус соли и ветра на губах...»

— Прощай!

Почти оттолкнув воспитанника, дядька быстро приблизился к краю обрыва. Помедлил, положив руку на рукоять меча, повернулся к нему. Рорик замешкался, подумал, старик сейчас скажет еще что-нибудь.

— Давай, Рорик, не медли! Один, Бог Рати, ждет меня!

Шагнув к нему, ярл привычно выдернул меч из ножен. Сразу, не останавливаясь, ударил в незащищенное горло, перерубил его легким, быстрым движением.

Тонкая шея старика словно сломалась, голова естественно откинулась далеко назад, брызнув темной кровью на белый снег.

Еще один долгий миг тело качалось у края обрыва, потом рухнуло вниз...